

Двое из суммы

Основано на издании 1874 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/dvoe_iz_sumy/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Двое из сумы

Жил-был в одной деревеньке мужик Никодим с женой своей Лукерьей – уж такой сварливой, что ни днём, ни ночью мужу от неё покоя не было. То ворчит она без повода, то бранится за всякую малость, а чуть только Никодим ей перечить начинает, сразу за помело или за ухват хватается да хозяина из дома выгоняет. Одна была у Никодима утеха – охота. Уйдёт он бывало в лес подальше, силки да сети расставит, сядет на полянке да на дудочке наигрывает, всякую пташку заманивает. Если принесёт домой добычу, задобрит Лукерью, то она сутки, а иногда и двое помалкивает. Может тогда мужик в покое пожить, без криков да без ругани. А коли с пустыми руками домой явится – уж такой шум поднимается, что хоть святых выноси!

Вот отправился как-то Никодим в лес, расставил силки и поймал в них журавля.

— Ох! – думает охотник. – Вот это дело! Уж так баба моя обрадуется, что пару дней точно ворчать не будет!

Только хотел мужик птицу в мешок засунуть, как говорит ему журавль человеческим голосом:

— Не плени меня, добрый человек! Оставь на сво-

боде жить! Будешь ты для меня милее отца родного, а я тебе не хуже сына любимого послужу!

Опешил Никодим, почесал затылок да отпустил птицу на волю. А за то, что явился он с охоты с пустыми руками, Лукерья на него с такой бранью накинулась, что муж даже в дом пойти не посмел – так и заночевал во дворе под крылечком. Утром ранешенько снова он в лес отправился. Только расставил силки, как видит: идёт к нему вчерашний журавль, в длинном клюве сумку какую-то несёт.

— Ты, добрый человек, вчера меня на свободу отпустил, – говорит птица. – За это возьми подарочек.

— Да на что ж мне эта сумка? – удивился охотник.

— А вот, смотри!

Положил журавль торбу на землю да крикнул:

— Эй, двое, а ну-ка марш из сумы!

Только он эти слова произнёс, как из сумки выскочили два молодца – одинаковы с лица. Мигом поставили они на полянке стол дубовый, постелили скатерть льняную, и тут же на ней появились яства диковинные, да так много, что и не сосчитать.

— Садись, добрый человек, за стол, угощайся! – говорит журавль.

Наелся мужик до отвала, напился, сидит – еле дышит. А птица снова командует:

— Эй, двое, а ну-ка марш в суму!

И тут же молодцов да стола с яствами как не бывало.

— Возьми эту сумку, – говорит журавль, – да жене своей ворчливой отнеси. Как отведаст она такого угощенья, навек браниться перестанет.

Поблагодарил Никодим птицу, повесил сумку чудесную на плечо да домой отправился. А путь его через подворье кумы Агафьи лежал. И уж так охотнику захотелось перед бабой той да дочками её добычей своей похвастаться, что заглянул он к ним в гости.

— Заходи, куманёк, – говорит Агафья, – отобедай, чем бог послал!

Накрыла она стол, поставила на него щи да кашу. Поковырял мужик ложкой в тарелке, отодвинул её от себя со вздохом:

— Эх, кума, плоха твоя еда!

— Ну, уж извини, – поджала губы баба. – Негоже в гости приходить да угощенье хозяйское бранить! Чем богаты, тем и рады!

— А хочешь, кумушка, я тебя угощу?

— Что ж, угости!

Поставил тогда Никодим сумку свою на пол да говорит:

— Эй, двое, а ну-ка марш из сумы!

Только он эти слова произнёс, как из торбы выскочили два молодца – одинаковы с лица. Поставили они посреди избы стол дубовый, постелили скатерть льняную, и тут же на ней появились яства диковинные, да так много, что и не сосчитать.

— Ну, бабоньки, садитесь теперь за мой стол, угощайтесь! – улыбается мужик.

Наелись кума с дочками, напились да задумали недоброе – украсть у Никодима сумку чудесную.

— Ой, голубчик-куманёк, устал ты, чай, день-деньской по лесам да по полям рыскать, не хочешь ли в баньке попариться?

Согласился мужик, прошептал тихонечко волшебные слова, загнал молодцев, что на стол накрывали, в сумку, повесил её в избе на гвоздик, а сам пошёл в баню. Только кум за порог, Агафья тут же велела дочкам своим сшить точно такую же торбу, как у Никодима, повесила её на гвоздь, а ту, что охотник принёс, спрятала. Напарился мужик, не заметил подлога,

взял сумку да пошёл домой. Только с избой родной поравнялся, стал кричать:

— Эй, жена! Не с пустыми руками я иду! Несу тебе подарок от журавля-сына!

Смотрит на него Лукерья да думает:

— Уж не напился ли мужик мой где по дороге? Чушь какую-то несёт. Что за сын-журавель? Ох, сейчас я его проучу!

Только жена подбоченилась, а Никодим бряк сумку на пол да давай кричать:

— Эй, двое, а ну-ка марш из сумы!

А в ответ тишина. Мужик опять за своё:

— Эй, двое, а ну-ка марш из сумы!

И опять никого. Разразилась тут Лукерья бранью, схватила помело мокрое, налетела на мужа бурею да давай его охаживать. Насилу Никодим вырвался. Побрёл он в лес, пришёл на полянку, а журавль уж тут как тут. Рассказал ему мужик, как в гости к куме зашёл, угостил её на славу, как в баньке попарился да домой отправился, хотел жену свою попотчевать, а молодцы из сумы так и не выскочили.

— Не печалься, добрый человек! – говорит журавль.
– Вот тебе ещё одна сума – пригодится не хуже преж-

ней.

Поклонился Никодим ему в пояс, взял торбу да домой припустил. Только по дороге одолели его сомнения.

— А что, если из этой сумы молодцы опять не выскочат? Снова я перед женой своей оплошаю, уж тогда и под землёй мне от неё не спрятаться! Дай-ка я сначала проверю!

Поставил он торбу на землю да закричал:

— Эй, двое, а ну-ка марш из сумы!

Только он эти слова произнёс, как выскочили из сумки двое молодцев с палками в руках да как стали мужика по спине охаживать, приговаривая:

— Не ходи к куме, не льстись на медовые речи!

И до тех пор они Никодима лупили, пока не догадался он, наконец, скомандовать:

— Эй, двое, а ну-ка марш в суму!

Спрятались молодцы в торбу, а мужик стал размышлять:

— Получается, что кума у меня сумку чудесную украдала. Ну, уж я ей отомщу!

Пришёл он к Агафье, повесил торбу свою на гвоздь да спрашивает:

— Ну что, кумушка, истопишь мне баньку?

— А что ж, куманёк, не истопить? Парься на здоровье! – отвечает хитрая баба, а сама снова злое замышляет.

Только Никодим из избы вышел да в баню отправился, кума позвала дочек, сумку схватила и говорит:

— Эй, двое, а ну-ка марш из сумы!

Тут же выскочили из торбы два молодца с палками да давай Агафью лупить, приговаривать:

— Отдавай суму, что у кума украла! Отдавай суму, что у кума украла!

Взвыла баба, кричит дочкам:

— Бегите в баню, зовите Никодима! Скажите ему, что двое из сумы меня убивают!

Побежали девчонки, стали мужика просить молодцев из сумы утихомирить, только Никодим не спешит, отвечает:

— Я ещё не напарился!

А хлопцы знай себе Агафью палками охаживают, приговаривают:

— Отдавай суму, что у кума украла! Отдавай суму, что у кума украла!

Снова баба дочек за кумом посылает, а тот отвечает:

— Я ещё голову не помыл!

Тут уж баба как завоет:

— Да отдам я твою сумку, отдам!

Вышел тогда Никодим из бани, крикнул громко:

— Эй, двое, а ну-ка марш в суму!

Сразу молодцы спрятались, а мужик подхватил обе торбы да домой отправился. Только с избой родной поравнялся, стал кричать:

— Эй, жена! Не с пустыми руками я иду! Несу тебе подарок от журавля-сына!

А у Лукерьи уж помело наготове. Только муж её опередил – как вошёл в дом, сразу приказал:

— Эй, двое, а ну-ка марш из сумы!

Сразу выскочили из торбы два молодца – одинаковы с лица. Поставили они посреди избы стол дубовый, постелили скатерть льняную, и тут же на ней появились яства диковинные, да так много, что и не сосчитать. Наелась жена, напилась, разнежилась. Прошептал тогда Никодим тихонечко волшебные слова, загнал молодцев, что на стол накрывали, в сумку, спрятал её подальше, сам другую торбу на гвоздик повесил да вышел во двор. А бабе ой как любопытно! Только муж за дверь, она тут же сумку схватила да говорит:

— Эй, двое, а ну-ка марш из сумы!

Тут же выскочили из торбы два молодца с палками и давай Лукерью лупить, приговаривать:

— Не бей мужа! Не брани! Не бей мужа! Не брани!

И до тех пор они бабу палками охаживали, пока мужик над ней не сжалился. Вернулась он в избу и говорит:

— Эй, двое, а ну-ка марш в суму!

С тех пор зажили Никодим с Лукерьей дружно, в сытости да достатке.